

**КОНЦЕПЦИЯ АХМЕТА ДАВУТОГЛУ «СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ГЛУБИНА»:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Третьяк С.С.

***Аннотация:** В статье рассматриваются основные теоретические аспекты концепции внешней политики Турции «Стратегическая глубина» авторства Ахмета Давутоглу. В первой части показан взгляд автора на исторически сложившиеся обстоятельства и условия становления концепции, обозначены ее приоритеты, задачи и методы практической реализации. Представлены мнения отечественных и зарубежных исследователей. Вторая часть посвящена вопросу состояния и характера концепции в условиях первой декады XXI в. после прихода к власти Партии справедливости и развития. Показан процесс ее фактического применения. Третья часть раскрывает состояние после событий начала Арабской весны. Отображен изменившийся подход Турции при выборе методологии в контексте реализации концепции. Даны практические примеры поступательного отхода от применения механизмов мягкой силы и обращения к механизмам более жестким.*

***Ключевые слова:** Турция, отношение, принцип, политика, Восток, государство, регион, развитие*

В мае 2010 г. на страницах американского журнала «Foreign Policy» вышла статья «Turkey's Zero-Problems Foreign Policy» [2] действующего на тот момент министра иностранных дел Турецкой республики Ахмета Давутоглу. В ней автор изложил основные положения внешнеполитической доктрины Турции, реализуемые на практике с момента прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР/ «Белая партия») в 2002 г. Коррелируя с целым рядом внешнеполитических достижений Турции на международной арене за последнее десятилетие, статья освежает в памяти ключевые тезисы и рекомендации, пожалуй, самого влиятельного труда турецкой политической науки XXI в. – «Стратегическая глубина. Турецкая внешняя политика» (2002 г.) авторства того же Давутоглу. Примечательно насколько быстро руководство «Белой партии» оценило все возможные преимущества и выгоды, извлекаемые из реализации этой концепции. Сам же теоретик – профессор Давутоглу, не остался в стороне. Примкнув к Партии справедливости и развития, минуя пост советника премьер-министра Реджепа Эрдогана по внешнеполитическим делам и ранг чрезвычайного и полномочного посла, 1 мая 2009 г. указом президента Абдуллаха Гюля он назначается министром иностранных дел Турецкой республики. Теоретик первой величины перешел в полноправный статус практика. Немаловажным является то, что спустя всего пять лет после выхода статьи и пятнадцать – с момента выхода книги, первое десятилетие XXI в. (в особенности его вторую половину) назовут «расцветом» турецкой внешней политики, а саму Турцию –

«звездой» Среднего Востока тех лет [2].

Актуальность изучения теоретической стороны и истории реализации данной доктрины обусловлена новым региональным статусом Турции в условиях не до конца сформированного нового баланса сил. Анализ основных положений «Стратегической глубины» и ее практики за последние два десятилетия позволит определить характер современного турецкого внешнеполитического вектора, объяснить феномен турецкого успеха, а также спрогнозировать новые возможные трансформационные процессы. Ее изучение вдвойне актуально для отечественного политологического дискурса в рамках определения места России в новом балансе сил. Некогда могущественная Османская империя, образ которой все чаще стремится примерять на себя Турция, длительное время являлась одним из сильнейших соперников России в Ближневосточном регионе, а также в бассейне Черного моря и на юго-востоке Европы. События последних лет отчетливо демонстрируют учащающиеся факты столкновения российских и турецких интересов по целому ряду вопросов. Проблема усугубляется еще тем, что роль сильного внешнеполитического игрока почти всегда сопряжена с поддержанием определенного дипломатического стиля, что в немалой степени снижает место для маневра.

Целью данной статьи является анализ теории и практической реализации концепции внешней политики Турции «Стратегическая глубина» Ахмета Давутоглу. В процесс исследования были поставлены следующие **задачи**: обозначить теоретико-методологическую базу концепции, цели и приоритеты, предложенные Ахметом Давутоглу; предметно отношение автора к условиям ее формирования в исторической перспективе; определить характер практической реализации концепции в первом десятилетии XXI в. после прихода к власти Партии справедливости и развития; показать изменившийся подход турецкой власти в выборе методологии реализации внешней политики Турции в рамках концепции после начала Арабской весны; определить ее текущий характер.

Объектом исследования является концепция «Стратегическая глубина». В качестве **предмета** выступают теоретические аспекты концепции, а также методы их практической реализации. В рамках исследования рассматриваются научные труды автора концепции – Ахмета Давутоглу, а также отечественных и зарубежных, в первую очередь турецких, авторов.

Исследование **основано** на изучении работ отечественных и зарубежных авторов. Отдельно стоит выделить труды Аваткова В.А., Касимовой И.С., Мавриной М.Ю., Мехдиев Э.Т., Сафонкиной Е.А., Свистуновой И.А., Сулейманова А.В., Томиловой Ю., Фролова А., непосредственно основателя концепции Davutoğlu A., а также авторов Ağır B.S., Arman M.N.

Научная новизна определяется исследованием динамики трансформации внешней политики Турции в XXI в. через призму нового концептуального подхода Ахмета Давутоглу, а также постепенно меняющихся внешних и внутренних детерминант его развития.

Теоретико-методологические основы концепции «Стратегическая глубина»

Анализируя политическое и экономическое положение Турции в начале XXI в., Ахмет Давутоглу приходит к неутешительным выводам и заключениям. Корни проблем он видит в несбалансированном внешнеполитическом курсе и длительном застое, в котором Турция находилась в течение всего периода Холодной войны. Будучи членом Североатлантического альянса, Турецкой республике отводилась лишь роль «защитника географического периметра НАТО» и исполнителя стратегических задач альянса в регионе [3]. Полностью игнорируя поистине уникальное географическое положение и демографическое состояние, согласно Давутоглу, Турция добровольно приняла на себя роль второстепенного игрока своего региона. Автор приходит к выводу о том, что, находясь на стыке тысячелетий в период после Холодной войны и стремительной трансформации однополярного мира с диверсификацией мировых центров силы, Турция уже не в состоянии существовать в том виде, в каком она была ранее. Руководствуясь целым рядом тезисов и теоретических выкладок, Ахмет Давутоглу предложил целостную внешнеполитическую концепцию, комплексная реализация которой была призвана трансформировать Турцию и вывести ее на передовые позиции сперва в масштабах Среднего и Ближнего Востока, черноморского и средиземноморского бассейна, а впоследствии – в масштабах планеты.

Первым шагом на пути укрепления внешнеполитического положения Турецкой республики автор видит установление «гармонии между ее текущими стратегическими союзами и ее соседями и соседними регионами...» [3]. Слепое следование по пути евроинтеграции на протяжении всего XX в. он называет не столько ошибочным, сколько во многом не отвечающим духу начала нового века. Давутоглу всецело признает большое значение для Турции политических и экономических связей с Евросоюзом и западными структурами, однако акцентирует внимание на том, что, полностью связав себя с западным миром, с его ценностями и порядками, Турция отдалила от себя мир Среднего и Ближнего Востока, с которым имела длительную историческую и культурную связь. Непонимание, а часто и неприкрытая враждебность к прежнему турецкому курсу со стороны мусульманских стран, стали теми подводными камнями, которые Турции вскоре предстояло преодолеть. Достижение своеобразного баланса в отношениях с Западом и Востоком открывало Турции колоссальные политические и экономические возможности в будущем. Рост политической нестабильности, кризисы и вызовы, возникающие со стороны Кавказа, Балкан и Среднего Востока, согласно Давутоглу, являются важным сигналом для Турции к пересмотру ее роли и места в регионе [1].

Немаловажным пунктом в аргументации Ахмета Давутоглу являются уникальные демографические реалии Турции, которые обязаны быть учтены при формировании нового внешнеполитического видения ее лидеров. Автор пишет: «В Турции больше боснийцев, чем в Боснии-Герцеговине, больше албанцев, чем в Косово, более чеченцев, чем в Чечне, больше абхазцев, чем в абхазской части Грузии, а также значительное количество азербайджанцев и грузин, в дополнение к значительному числу других этносов...» [3]. Таким образом, обозначенные страны и этносы попросту не могут не

входить в поле ответственности современной Турции.

Достижения Турции в деле развития в обществе демократии, защиты прав и свобод граждан также являются весомым аргументом на ее пути к трансформации. Ахмет Давутоглу определяет, что внутренняя демократизация невозможна без демократизации внешней политики. Уважение прав не только своих граждан, но и соседних государств, достижение состояния мира и консенсуса в отношениях с этими государствами, продуктивное экономическое и гуманитарное сотрудничество, является жизненно важным в деле построения «новой Турции».

В статье автор дает краткую оценку последним семи годам реализации его идей, отраженных ранее в его труде, а также описывает выработанный системный подход Турции к международным отношениям. Немаловажным фактором, позволившим сформировать данный подход, он считает установление правящим режимом реальной политической стабильности внутри государства. Ахмет Давутоглу дает комплексную характеристику новому подходу, который он называет «принципами», и предлагает к рассмотрению три «методологических» и пять «операционных» принципов [3].

Первый методологический принцип заключается в полном отказе от кризисно-ориентированного видения времен Холодной войны в пользу «идеалистической» оценки событий в регионе. Автор подчеркивает, что Турция имеет собственное видение и понимание происходящего на Среднем Востоке и не способна более проводить внешнюю политику, базирующуюся на идее неизменности глобального баланса сил [3]. Имея бесценный исторический опыт, эффективные дипломатические рычаги, гуманитарные и культурные связи, Турецкая республика, по мнению автора, в состоянии сделать огромный вклад в достижение мира и стабильности в регионе на примере турецкой политики в отношении Ливана, посредничестве между Сирией и Израилем, Палестинской проблемы, ситуации вокруг иранской ядерной программы и др.

Вторым методологическим принципом, заложенным в концепции «Стратегической глубины», является «содержательная и систематическая» внешняя политика по всему миру. Давутоглу подчеркивает, что политика Турции в отношении Среднего Востока не вступает в противоречие с ее политикой на Балканах, в Африке, либо в Центральной Азии.

Третий методологический принцип заключается в выработке нового дискурса и дипломатического языка, основанного на распространении турецкой «мягкой силы». Имея первоклассную армию, задачей Турции является продемонстрировать, что она не является ни для кого угрозой. Это подкрепляется установкой на всестороннее развитие социально-экономического международного сотрудничества на принципах «безопасности для всех», «экономической взаимозависимости», «политического диалога», «гармонии и взаимоуважения».

Основываясь на трех обозначенных «методологических» подходах, Давутоглу обозначает пять «операционных» принципов действия в процессе принятия политических решений.

Первый принцип базируется на достижении баланса между свободой граждан и их

безопасностью, что является залогом конструктивного диалога власти и общества. Ахмет Давутоглу подчеркивает, что с 2002 г. Турция немало добилась в развитии гражданских прав и свобод, особенно на фоне реальных угроз терроризма и доминирования обратной мировой тенденции, касательно стремления на Западе к частичному пересмотру законодательств о гражданских правах и свободе после катастрофы 11 сентября 2001 г.

Второй принцип отражен в формулировке «ноль проблем с соседями». Его реализация должна была происходить в контексте переноса достижений турецкой демократии на уровень ее внешнеполитических отношений, строящихся на основании согласия и взаимоуважения.

Третий принцип заключается в реализации «предвосхищающей» мирной дипломатии, целью которой является выработка мер по предотвращению кризисных ситуаций либо недопущению их обострения.

Четвертым принципом является приверженность Турции многовекторной внешней политике. Таким образом, отношения Турции с США (в первую очередь через НАТО) не должны вступать в противоречие с достижением добрососедских отношений с Россией, а процесс интеграции Турции в ЕС не должен вставать на пути развития отношений со странами Евразии. Главным ориентиром остается поддержание доброжелательных и взаимовыгодных партнерских отношений.

Пятый принцип выражен в идее «ритмичной дипломатии», главной целью которой является обеспечение Турции более значимой роли на международной арене. Суть «ритмичной дипломатии» заключается в усиленной интеграции Турции в крупные международные политические, экономические либо культурно-гуманитарные структуры для повышения ее статуса в качестве крупного политического актора [1].

Как отмечено в докладе Центра ситуационного анализа РАН (2012), «в книге А. Давутоглу «Стратегическая глубина» (2001) найден удачный баланс между традиционным для Турции евразийством, подавленными имперскими комплексами («неоосманизм») и адаптированными к региональным реалиям подходами, характерными для западной политологии. Набор этих идей, в сущности, и является визитной карточкой феномена, получившего название «турецкой модели»...» [4, с. 23].

Характер концепции «Стратегическая глубина» в первом десятилетии XXI в.

Несомненной силой, дающей преимущество Партии справедливости и развития к моменту ее победы на парламентских выборах в 2002 г., было наличие ясной концептуальной политической линии. Новая цель Турции, оформленная в лозунгах и программных документах, заключалась в восстановлении былого политического, культурного и экономического влияния, растерянного за годы светскости и движения на Запад. Претензия на новую геополитическую роль подкреплялась огромным уровнем доверия со стороны граждан, немало претерпевших от экономического упадка последних лет. Сочетая знакомые всем элементы кемалистского подхода, а также умеренно-исламистские и чисто прагматичные взгляды на международные отношения, Турция начала планомерную работу по формированию нового геополитического и геоэкономического статуса, руководствуясь теоретическими выводами, заложенными в

«Стратегической глубине» А. Давутоглу [1].

Как отмечает ряд экспертов, главной особенностью характера внешней политики Турции вплоть до начала Арабской весны в 2011 г. является приоритет в использовании «мягкой» силы в построении политического диалога с партнерами [5, с. 147]. Изменение геэкономической роли в первую очередь требовало от Турции гармонизации политического климата по периметру своих границ и за их пределами. Идея «ноль проблем с соседями» и принцип «предвосхищающей» мирной дипломатии были использованы в качестве основополагающих. С самого начала своего пребывания у власти лидеры Партии справедливости и развития взяли курс на активное вовлечение страны в урегулирование как «активных», так и «замороженных» конфликтов – сирийско-израильский, палестино-израильский, Нагорный Карабах, Ирак, споры вокруг иранской ядерной программы, Ливан и др. Отличительной чертой турецкого подхода стала выработка единого подхода к возникающим проблемам, вне зависимости от географии.

Параллельно с обозначенным подходом, согласно принципу «ноль проблем с соседями», Турция берет курс на усиление и укрепление тесных экономических и гуманитарных связей со странами-соседями. Сам Давутоглу признавал, что к концу первого десятилетия XXI в. отношения республики с соседями все больше идут в канве сотрудничества и взаимоуважения [3]. Растет тесная экономическая взаимосвязь со странами-соседями. Работают встречи стратегического комитета на высоком уровне с Россией, Грецией и Ираком. Речь идет об отмене визовых ограничений с Албанией, Ливаном, Ливией, Иорданией, Таджикистаном и Россией, а также достижении значительного дипломатического прогресса с Арменией (2009), который, однако, не получил развития в будущем из-за принципиальной позиции обеих сторон по вопросу непризнания армянского геноцида со стороны Турции. Особо показательным является стремительное восстановление турецко-сирийских отношений, ранее находившихся на критично низкой отметке. Приход к власти Партии справедливости и развития позволил в полной мере интенсифицировать данный процесс, приведший к первой с 1949 г. встрече президентов Турции и Сирии [4, с. 28]. Ярким показателем эффективности нового подхода являлась положительная оценка лидерами арабских стран деятельности Анкары, с чем были немалые проблемы еще в конце XX в. [20].

Принцип «ритмичной дипломатии» позволил Турции обозначить собственное видение происходящих в мире процессов. Отсюда, к примеру, дальновидная и достаточно прагматичная позиция в отношении интервенции США (союзника по НАТО) в Ираке в 2003 г., выраженная в отказе размещения 60 тыс. солдат американского военного контингента на своей территории при наличии частных уступок (предоставление турецкого воздушного пространства, возможности транзита сил спецназначения и др.), что сделало возможным положительное решение вопроса о предоставлении США необходимой тогда финансовой помощи. Более того, в условиях непопулярности в Турции иракской проблемы [7], страна сумела, несмотря на все заявления своего генштаба, удачно разыграть собственный сценарий по решению «Мосульского вопроса» (опасности создания Иракского Курдистана), проведя ограниченную военную операцию

на севере Ирака. Другим примером служит позиция Турции относительно признания Косово, области с преимущественно мусульманским населением, солидарность с которым не раз выражали в Анкаре [8, с. 143]. Качественное резюме достижений «ритмичной дипломатии» Турции в разных частях мира дал сам Ахмет Давутоглу: «Турция является членом НАТО, кандидатом в члены ЕС, членом ОИК. Турция создала Совет тюркоязычных государств, она входит в ООН, в G-20, в Альянс цивилизаций и является страной-наблюдателем в АСЕАН, стратегической страной для диалога с Лигой арабских государств, с Советом по сотрудничеству стран Персидского залива, с Африканским союзом. Турция также запустила новые дипломатические инициативы, открыв 15 посольств в Африке и 2 в Латинской Америке, и к тому же она является государством, подписавшим Киотский протокол...» (2010) [3]. Реализацию подхода «ритмичной дипломатии» в случае с Турцией стоит понимать, как проведение гибкой линии ЕС – исламский мир, а также развитие взаимовыгодного сотрудничества с Россией [18, с. 137].

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось значительным прогрессом в процессе европейской интеграции Турции. В первую очередь это обозначено началом официальных переговоров между Брюсселем и Анкарой о присоединении Турции к Европейскому союзу в октябре 2005 г. Турецкая сторона принимала обязательства по выполнению ряда значительных обязательств, связанных с реформированием турецких политических и финансовых структур. Было положено начало работы европейской комиссии по проверке турецкого законодательства. Следствием этого был значительный прогресс в вопросе пересмотра политики власти в отношении к национальным меньшинствам. Главным образом это касалось многочисленного курдского этноса [6, с. 387]. Успех турецких реформ должным образом демонстрировал турецкую благонадежность в глазах европейских партнеров, что неизменно подкреплялось финансовой помощью, в которой страна крайне нуждалась. Тем не менее, поле внешнеполитического зрения Турции уже не было ограничено лишь западным направлением. Помимо евроинтеграции, как уже было сказано, Турция запустила широкий процесс по налаживанию и усилению взаимовыгодных экономических и гуманитарных связей с соседними странами, а также с рядом других стран средневосточного и азиатского направления. Таким образом реализовывался принцип многовекторности турецкой внешней политики, основанный сугубо на правилах политического прагматизма. Несмотря на членство в НАТО, Турецкая позиция не раз шла вразрез с требованиями ее главного союзника по альянсу – США, когда турецкий прагматизм требовал ее оппозиции. Ярким примером служит ее позиция по вторжению США в Ирак (2003), либо на требования о предоставлении доступа кораблям ВМС США в акваторию Черного моря во время вторжения Грузии в Южную Осетию (2008), что шло вразрез с положениями доктрины Монтре.

Подводя итог турецкой внешней политики в начале XXI в., можно уверенно говорить, что турецкие лидеры показали себя деятельными последователями концепции «стратегической глубины». Новый взгляд на место Турции в мире, обоснованный Ахметом Давутоглу на страницах его самой известной монографии, сделал возможным

целый ряд турецких внешнеполитических прорывов по самым напряженным вопросам (к примеру, в отношениях с Арменией). За исключением нескольких силовых сценариев, в которые оказалась втянута Турция, – борьба с Рабочей партией Курдистана (РПК) и иракская операция (2003), внешняя политика республики осуществлялась исключительно в рамках турецкой «мягкой силы». Как отмечает И.А. Свистунова: «Внешняя политика Анкары, получившая название «ноль проблем с соседями», стала попыткой форсированного развития уже сложившихся тенденций и использования их для усиления регионального и глобального влияния Турецкой Республики. Основная идея этой политики заключается в стремлении сформировать вокруг Турции «пояс мира и стабильности», который обеспечит повышение экономического благосостояния входящих в него государств и развитие интеграционных процессов с их участием...» [9, с. 42]. Тесные экономические связи и диверсификация межгосударственных контактов по гуманитарной линии были призваны к преодолению стереотипов внутри турецкого общества по отношению к народам других государств. То же самое было нацелено на нейтрализацию стереотипов в отношении турецкой нации за рубежом. Предполагалось, что данная линия в будущем будет неизменно сопутствовать Турции в поиске ее нового места в регионе. Тем не менее, разворачивающиеся события Арабской весны 2011 г. в скором будущем станут для Турции переломными. Политический взрыв в регионе во многом предопределяет будущий характер турецкой внешней политики и условия, в которых она будет вынуждена существовать.

Состояние концепции «Стратегическая глубина» во втором десятилетии XXI в.

Арабская весна стала «лакмусовой бумажкой» для турецкой внешней политики. Рост нестабильности в регионе позволил Турции предложить странам региона собственный демократический опыт в качестве альтернативы их действующим авторитарным режимам. Во время своего осеннего визита в Египет 2011 г. премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган заявил: «Я бы рекомендовал Египту иметь светскую конституцию. Потому что секуляризм не является врагом религии. Не стоит бояться секуляризма...» [10]. Он также подчеркнул, что этим обеспечивается равное отношение государства к представителям всех этносов и конфессий. Привлекательным в данном случае выглядело и то, что бурный процесс демократизации общества в Турции проходил под эгидой, по сути, исламской партии. Это позволяло долгое время выдерживать внешнеполитический баланс в положении Турции между Западом и Востоком. Тем не менее, конфликтогенный потенциал Ближнего Востока, инспирированный событиями Арабской весны, стал реальной угрозой для стабильности и безопасности Турецкого государства. Он во многом обозначил усиливающееся стремление Турции контролировать ситуацию для недопущения развития нежелательных для Анкары сценариев. Несмотря на заявления, новый характер внешних вызовов побудил турецких лидеров к значительному пересмотру текущих методов ведения внешней политики.

Как показала практика, сирийский конфликт стал самым сложным эпизодом в контексте ее политики на Среднем и Ближнем Востоке. Предлагая свой реформаторский опыт режиму Башара Асада (весна-лето 2011 г.), Турция еще пыталась ставить себе на

службу прежние механизмы «мягкого» воздействия, показывавшие хорошие результаты ранее. Однако эскалация конфликта и рост насилия показали всю бесперспективность такого подхода. Еще ранее, Турция установила контакты с лидерами сирийской умеренной оппозиции, предоставив им укрытие и помощь на своей территории. Рост насилия и заметное торможение реформ в Сирии подталкивали Анкару к разрыву политических отношений с официальным Дамаском. Совместно с США Турция в одностороннем порядке ввела санкции против представителей режима Б. Асада, а также стала инициатором вынесения обсуждения «сирийского вопроса» на международный уровень (ООН, ЛАГ). Турецкая сторона также была одним из инициаторов создания «Группы друзей Сирии» [11, с. 126].

Военно-политическое противостояние в Сирии в значительной мере актуализировало курдскую проблему как в самой Турции, так и в сопредельных Сирии и Ираке. Нестабильность вдоль южной границы с Сирией угрожала образованием вакуума власти, который мог быть заполнен либо реализацией радикально-исламистского политического проекта, либо – созданием государства (либо автономии) сирийских курдов. Это происходило на фоне серии крупных терактов на территории Турции с большим числом жертв, ответственность за которые турецкие власти возлагали на РПК и ИГИЛ (организация запрещена в РФ, - автор). Вероятно, осознав несостоятельность сирийской умеренной оппозиции (главным образом поддерживаемой ею Сирийской свободной армии (ССА) в разрешении сирийского конфликта посредством установления лояльного Турции нового режима, а также в борьбе против радикальных исламистов, турецкая сторона попыталась нивелировать для себя особо острые углы этого конфликта. Анкара предприняла серию крупных военных операций на территории САР, главной целью которых являлось создание безопасной буферной зоны вдоль сирийско-турецкой границы, чтобы «помешать созданию курдами коридора от Ирака до Средиземного моря...» [12]. Совместно с ССА были проведены операции «Щит Евфрата» (2016), «Оливковая ветвь» (2018) и «Источник мира» (2019). На занятых территориях ведутся активные работы по созданию «первоочередных условий для нормализации жизни в регионе с целью предотвращения дальнейшего оттока населения, а также обеспечения возвращения из Турции в Сирию беженцев...» [13, с. 61].

Сирийский кризис бросал Турции немало вызовов, среди которых: перманентная угроза в рамках продолжающегося кризиса вдоль всей 822-км сирийско-турецкой границы, напряженные отношения с Российской Федерацией (главным союзником Б. Асада), опасность террористических атак со стороны Исламского государства и РПК, потоки беженцев, открытая поддержка США сирийских курдов, противоречия с другими региональными акторами (Иран, Израиль, Саудовская Аравия). Рост противоречий с Ираном, как заключают некоторые эксперты, проходит главным образом в контексте его противодействия американскому проекту «Большой Ближний Восток» [14], в котором Турции отводится большая роль, и созданию так называемой «Оси сопротивления» [15].

Второе десятилетие XXI в. прошло под знаменем переосмысления внешнеполитической линии Турецкой Республики в вопросах методов экстраполяции

принципов «нового османизма». Наличие второй по численности армии в НАТО, хорошо оснащенной и организованной, успех беспрецедентных ранее реформ по отношению к военной элите (главной угрозы исполнительной и законодательной власти), полностью отстранивший ее от процесса принятия политических решений, немалая электоральная поддержка на фоне очевидного разочарования крупных масс застойным евроинтеграционным курсом привели лидеров Партии справедливости и развития к осознанию новых возможностей, которые Турции предоставляла стратегическая нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке во второй декаде XXI в. Примечательно, что в данный период происходит не смена подходов к реализации внешней политики, принципы которой все также продолжали регламентироваться в официальных политических программах [2], а приоритетов в выборе методов и способов ее реализации – инструментарий «мягкой» силы постепенно заменяется на инструментарий «жесткой». Для США и стран Евросоюза Турция, отыгрывавшая ранее роль форпоста на пороге в Азию, становится все менее контролируемой в выборе действий. Параллельно возникает вопрос, насколько страна остается на прозападных позициях, учитывая новые тенденции в ее внешнеполитических подходах [19, с 73].

Географически доктрина «нового османизма» предполагает нигде официально не декларируемый принцип выхода сферы турецкого влияния на границы бывшей Османской империи [16, с. 34]. Предпринимаемые Анкарой шаги по установлению своего военного присутствия в регионе нацелены на реализацию и расширение данного принципа в будущем: военный контингент в Сомали обеспечит турецкое присутствие в Северной Африке, а в Катаре – в Персидском заливе, что чревато перестановкой сил в районе залива и росту напряженности в отношениях с Ираном. В контексте расширения Турцией военного присутствия за рубежом важно отметить амбициозный проект «Армия Турана», основанный на принципах общности религии и языковой культуры. «Опираясь на языковую и религиозную общность, Турция проявляет намерение создать крупный военно-политический блок. Сейчас их два: НАТО и ОДКБ. В ОДКБ при этом входит два тюркских государства: Казахстан и Киргизия. Потенциально в тюркский блок могут входить: Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения. Возможно присоединение к блоку Венгрии и Грузии...» [17]. Реализация проекта прямо коррелирует с успехами Турции в сфере ВПК, предполагает сотрудничество между странами по вопросам подготовки военных программ, создание совместных учебных и координационных центров, проведения коллективных учений и т.д. Первым крупным плодом такого сотрудничества стала роль турецких военных в победе Азербайджана во Второй Карабахской войне с Арменией (2020), ставший хорошей пиар-акцией достижений Турции в сфере разработки современных средств воздушного подавления наземных целей и радиолокационной разведки. Успех «Армии Турана» обеспечивает свободный доступ Турции в регион Центральной Азии. Что касается невоенной деятельности Анкары в Центральной Азии, то она «не затрагивает крупномасштабных проектов, но включает в себя коммерческие, культурные и образовательные программы. Турецкая «мягкая сила» опирается на формально негосударственные, но активно

поддерживаемые турецким правительством структуры...» [16, с. 34].

Заключение

Генезис современной турецкой внешней политики прошел непростой путь с начала XXI в. Оформленный в рамки концепции «стратегической глубины» подход явился очевидным ответом на быстроизменяющийся миропорядок по окончании Холодной войны и оформлении нового баланса сил. Пришедшая к власти в начале века политическая элита в лице «Белой партии» под руководством Р. Эрдогана вместе с блестящим теоретиком А. Давутоглу, сочетая разновекторный прагматический подход, умело лавируя между применением принципов демократии и умеренного исламизма, сумела вывести Турцию на качественно новые позиции в масштабах не только Ближнего Востока, но также Центральной Азии, Черноморского и Средиземноморского бассейнов. Из статуса форпоста НАТО на Востоке Турция постепенно и уверенно занимает позиции полноправного политического актора, с собственным видением происходящих в мире событий.

История турецкой внешней политики с начала века отличалась своей неоднородностью в плане экстраполяции растущего турецкого влияния в рамках концепции «стратегической глубины». Примечательно, что первое десятилетие XXI в. отмечено доминированием механизмов «мягкой» силы в турецкой внешней политике. Это время расцвета реализации принципа «ноль проблем с соседями», формирования продуктивного диалога с сопредельными государствами, а также установления и укрепления с ними экономических и гуманитарных связей, утраченных после распада Османской империи. Тем не менее, Арабская весна 2011 г. принесла в регион кризис, в котором Анкара видела для Турции немалые перспективы. В свою очередь, возрастающая конфликтность на Ближнем Востоке во многом развязала Турции руки по вопросам реализации выгодных для нее силовых сценариев. Таким образом, уже с начала второй декады XXI в. в турецкой внешней политике наблюдается постепенное преобладание «жесткой» силы (Сирия, Ирак). Ответом на эти процессы стал рост напряженности с Россией и Ираном, а также с Израилем и даже США – главным союзником по НАТО.

Важно заметить, что до сих пор концепция «стратегической глубины» не претерпела каких-либо крупных изменений в турецкой официальной внешнеполитической доктрине. Турция по-прежнему декларирует приверженность демократии, но уже с оглядкой на мусульманскую специфику общества, и призывает всех партнеров к продуктивному диалогу. Тем не менее, накопленная мощь и амбиции турецких лидеров отчетливо демонстрируют, что долгий внешнеполитический эволюционный путь, имевший место в первое десятилетие XXI в., уже не отвечает на растущие турецкие запросы. «Стратегическая глубина», как может показаться, вовсе не изжила себя. Ее идеи и цели продолжают реализовываться еще более быстрыми темпами. Однако на данном этапе ее инструментарий все менее сопрягается с элементами «мягкой» силы, и все более – с элементами «жесткой».

События последних лет говорят о том, что, несмотря на определенные затруднения, частично сопряженные с кризисными явлениями в экономике, Турция продолжит курс

на расширение своего внешнеполитического влияния. Главным образом это произойдет по линии борьбы за новые рынки сбыта и укреплении идеи коллективного тюркского и мусульманского сознания в ряде среднеазиатских государств под патронатом Турции. Вероятно, будет иметь место реализация проекта нового пантюркистского политического блока, что неизменно вызовет массу вопросов со стороны Североатлантического альянса. Это, в свою очередь, так или иначе будет связано с фактом новой расстановки сил в регионе и формированием возможного очага напряжения вдоль границ создаваемого политического образования (географически это – Ближний Восток, Средняя Азии и частично Черное море), вдоль в том числе и российских границ. Важно отметить, что получение новых рынков сбыта, размещение собственного военного контингента и специалистов за рубежом (не в рамках миротворческой миссии), укрупнение внешних межведомственных связей, кооперация в рамках внешней разведки и прочего, а также тщательная работа по формированию новой коллективной идентичности обозначает три основных направления развития турецкого внешнеполитического проекта (будущего Турана): армия, экономика и идеология. Все они должны быть реализованы уже в ближайшей перспективе. Очевидно, борьба Турции за идейное наследие империи Османов далеко не проиграна.

Список используемых источников

1. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu – URL: <https://docplayer.biz.tr/204355312-Ahmet-davutoglu-stratejik-derinlik.html> (дата обращения: 27.11.2021)
2. The Post-Davutoglu Era in Turkish Foreign Policy – URL: <https://www.e-ir.info/2016/06/03/the-post-davutoglu-era-in-turkish-foreign-policy/> (дата обращения: 27.11.2021)
3. Davutoglu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy – URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (дата обращения: 27.11.2021)
4. «Турция: новая роль в современном мире» / Центр ситуационного анализа Российской академии наук // М.: ЦСА РАН, 2012. – С. 23, 28
5. Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» / Е.А. Сафонкина // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2, 2014. – С. 147
6. Джошкун, Турал. Особенности разрешения курдского вопроса в Турецкой Республике в XXI веке / Турал Джошкун, И. А. Мирзаев, Бурак Сюэрдэн // Молодой ученый. — 2016. — № 15 (119). – С. 387
7. Пахомова Д.А. Турция и Иракский кризис – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/29170/1/girb_2014_38.pdf (дата обращения: 27.11.2021)
8. Ağir, Bülent Sarper; Arman, Murat Necip. Turkish foreign policy towards the Western Balkans in the Post War Era: Political and Security Dimensions / Demir, Sertif // — Brown Walker Press, 2016. — С. 143

9. Свистунова И.А. Ближний Восток во внешней политике Турции в XXI в.: региональная стратегия / И.А. Свистунова // М.: Проблемы национальной стратегии, РИСИ, 2012. №4(13). С. 42
10. Laiklik ateizm değil, korkmayın! – URL: <https://www.haberturk.com/dunya/haber/669311-laiklik-ateizm-degil-korkmayin> (дата обращения: 29.11.2021)
11. Фролов А. «Турция – Сирия: Метаморфозы ближневосточной политики». - «Пути к миру и безопасности». ИМЭМО РАН, М., 2015 г., № 1 (48) - с. 126.
12. США призывают Турцию не воевать с сирийскими курдами – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-37215665> (дата обращения: 29.11.2021)
13. Касимова И.С. О политике Турции по укреплению своего присутствия на северных территориях Сирии/ И.С. Касимова // Исламоведение. Дагестанский государственный университет. Том 12. 2021. – С. 61
14. Аватков В.А. «Арабская весна» по-турецки – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arabskaya-vesna-po-turetski/> (дата обращения: 29.11.2021)
15. «Ось сопротивления»: на что Иран сделает ставку в будущей войне с Израилем – URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-5122835,00.html> (дата обращения: 30.11.2021)
16. Мехдиев Э.Т. «НЕООСМАНИЗМ» В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ / Э.Т. Мехдиев // Вестник МГИМО-Университета. 2016;(2(47)) – С. 34.
17. Атаманов С. Рынок на Восток – URL: <https://www.sonar2050.org/publications/guvok-na-vostok/> (дата обращения: 30.11.2021)
18. Сулейманов А.В. Идеология А. Давутоглу и внешняя политика Турции/ А.В. Сулейманов // Вестник РУДН, серия Международные отношения, сентябрь 2015, том 15, № 3. – С. 137.
19. Маврина М.Ю. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-vneshney-politiki-turtsii-ahmeta-davutoglu/viewer> (дата обращения: 30.11.2021)
20. Томилова Ю. Новая глобальная политика Турции и интересы России на ближнем и среднем востоке – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-globalnaya-politika-turtsii-i-interesy-rossii-na-blizhnem-i-srednem-vostoke/viewer> (дата обращения: 30.11.2021)

Tretyak S.S.

CONCEPT «STRATEGIC DEPTH» BY AHTEM DAVUTOGLY: THEORY AND PRACTICE

Annotation: The article discusses the main theoretical aspects of the concept of foreign policy of Turkey «Strategic Depth» of the authorship of Ahmet Davutoglu. The first part shows

the view of the author on the historically established circumstances and the conditions of the formation of the concept, its priorities, tasks and methods of practical implementation are indicated. The opinions of domestic and foreign researchers are presented. The second part is devoted to the issue of the status and nature of the concept in the conditions of the first decade of the XXI century. After coming to power of the party of justice and development. The process of its actual application is shown. The third part reveals the state of the concept in the second decade of the XXI century. After the events of the beginning of the Arab Spring. The changing approach of Turkey is displayed regarding the choice of methodology in the context of the implementation of the concept. Practical examples of progressive waste from the use of soft power mechanisms and access to the mechanisms are tougher.

Keywords: Turkey, attitude, principle, politics, east, state, region, development

References

1. The Post-Davutoglu Era in Turkish Foreign Policy - URL: <https://www.e-ir.info/2016/06/03/the-post-davutoglu-era-in-turkish-foreign-policy/> (reference date: 27/11/2021)
2. Davutoglu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy - URL: <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (reference date: 27/11/2021)
3. Center of Situational Analysis of the Russian Academy of Sciences. «Turkey: a new role in the modern world» / centers Situational Analysis, Russian Academy of Sciences // М.: CSA RAS, 2012. - P. 23, 28
4. Safonkina E.A. Turkey as a new actor of a policy of «soft power» / E.A. Safonkina // Bulletin of international organizations. T. 9. № 2, 2014. – P. 147
5. Coskun, Tural. Features of the settlement of the Kurdish issue in the Republic of Turkey in the XXI century / Tural Coşkun, IA Mirzaev, Burak Syuerden // Young scientist. - 2016. - № 15 (119). - P. 387
6. Pakhomov D.A. Turkey and the Iraqi crisis - URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/29170/1/girb_2014_38.pdf (reference date: 11/27/2021)
7. Ađır, Bülent Sarper; Arman, Murat Necip. Turkish foreign policy towards the Western Balkans in the Post War Era: Political and Security Dimensions / Demir, Sertif // - Brown Walker Press, 2016. – P. 143
8. Svistunova I.A. Middle East, Turkey's foreign policy in the XXI century: Regional Strategy / I.A. Svistunova // М.: Problems of National Strategy, RISI, 2012. №4 (13). P. 42
9. Laiklik ateizm değil, korkmayın! - URL: <https://www.haberturk.com/dunya/haber/669311-laiklik-ateizm-degil-korkmayin> (reference date: 29/11/2021)
10. Frolov. «TURKEY - SYRIA: Metamorphosis Middle East policy.» - «Path to peace and security.» IMEMO, Moscow, 2015, number 1 (48) - P. 126.
11. The United States urges Turkey not to fight against the Syrian Kurds - URL: <https://>

- www.bbc.com/russian/news-37215665 (reference date: 29/11/2021)
12. Kasimov I.S. About Turkey's policy to strengthen its presence in the northern territories of Syria / I.S. Kasimov // Islamic Studies. Dagestan State University. Volume 12. 2021. - P. 61
 13. Avatkov V.A. «Arab Spring» in Turkish - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arabskaya-vesna-po-turetski/> (reference date: 29/11/2021)
 14. «Axis of resistance»: Iran on bets in the next war Israel - URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-5122835,00.html> (reference date: 30.11 .2021)
 15. Mehdiiev T.E. «Neo» in the regional policy of Turkey / T.E. Mehdiiev // MGIMO-University Bulletin. 2016; (2 (47)) – P. 34.
 16. S. Atamanov. Leap to the East - URL: <https://www.sonar2050.org/publications/ryvok-na-vostok/> (reference date: 30/11/2021)
 17. Suleimanov A.V. Ideology of A. Davutoglu and foreign policy of Turkey / A.V. Suleimanov // Bulletin of RUDN University, International Relations series, September 2015, Volume 15, No. 3. - P. 137.
 19. Mavrina M.Y. Ahmet Davutoglu's Foreign Policy Concept of Turkey – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-vneshney-politiki-turtsii-ahmeta-davutoglu/viewer> (reference date: 11/30/2021)
 20. Tomilova Y. Turkey's New Global Policy and Russia's Interests in the Near and Middle East - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-globalnaya-politika-turtsii-i-interesy-rossii-na-blizhnem-i-srednem-vostoke/viewer> (reference date: 11/30/2021)

Сведения об авторе

Третьяк Сергей Сергеевич – аспирант кафедры политических наук и международных отношений, направление: «политические науки и регионоведение», г. Симферополь, Таврическая академия Крымского федерального университета

E-mail: Sergey280497@mail.ru

Tretyak Sergey Sergeevich - PhD student of the Department of Political Sciences and International Relations, direction: «Political Sciences and Regional Science», Simferopol, Tauric Academy of the Crimean Federal University

E-mail: Sergey280497@mail.ru